

рым воспевались подвиги Дигениса Акрита, повествует здесь, убаюкивая слух эллинов, о Виллардуэнах, новых иноземных героях и чуждых народу правителях.

Вопрос об исторической памяти византийцев, о знании ими «национального» прошлого и об интересе к нему — вопрос сложный. Его следует рассматривать с учетом особенностей культурно-исторических условий, сложившихся в том или ином регионе. Если же говорить о главной тенденции, то несомненно следующее: предки не только постоянно жили в памяти греков, но и оставались на протяжении веков источником их духовной силы, идеалом мужества и благородства. Наиболее популярными оставались те из славных предков, деяния которых не теряли актуальности во все периоды византийской истории, служили этическим образцом, источником для нравственно-философских обобщений. Такова, например, судьба Велисария, славного полководца императора Юстиниана, ставшего жертвой наветов завистников. Интриги и коварство, императорская неблагодарность и жестокость, губящая лучших, достойнейших из людей, таков пафос «Сказа о прекраснейшем и удивительнейшем муже по имени Велисарий». «О невиданная беда, невыносимая боль, непреходящая горечь» — {335} восклицает поэт, рассказывая о Велисарии. Выполняя поручение Юстиниана, он в кратчайший срок воздвиг вокруг Константинополя крепостную стену. Император вознаграждает полководца, однако радость успеха омрачается завистью Кантакузинов, Дук, Ласкарисов, нашептывающих Юстиниану: не пройдет и трех дней, как ты потеряешь царство, ибо народ, любящий Велисария, желает поклоняться ему как василевсу. Велисарий проводит в заточении три года. Его наказывают лишением света солнца, закрывая глаза золотой повязкой. Угроза вражеского нашествия, нависшая над Константинополем, и желание народа видеть во главе защитников славного военачальника заставляют императора освободить Велисария. Он и на этот раз с честью выполняет свой патриотический долг. Следующая удача Велисария — поход против Англии (!). Причалив к британским берегам, полководец сжигает византийские корабли, чтоб не оставить надежд на отступление. Англия покорена. Соорудив новые суда, Велисарий возвращается в Константинополь, одерживая по пути на родину еще одну блистательную победу в сражении за Митилену.

После триумфа Велисария в Константинополе вновь поднимают голову клеветники. Полководца ослепляют. Но когда на Византию нападают персы и сарацины, о герое вновь вспоминают, обращаясь за советом. Указание, как одолеть врага, Велисарий дает своему сыну Алексею, которого ставят во главе войска. Империя спасена. Слава Велисария, его хотят видеть собравшиеся во дворце вельможи и посланцы дальних народов. Последние строки поэмы: перед ними появляется слепой старец, опирающийся на палку и протягивающий руку за милостыней.

В основе поэмы, несомненно, память о замечательном полководце VI в., много сделавшем для славы империи, но впавшем в немилость. Однако в дальнейшем судьба Велисария обогащается фактами, созвучными смыслу и духу повествования, но исторически к Велисарии отношения не имеющими: это и ослепление (появляющееся впервые в исторических текстах после IX в. под влиянием драмы некоего Симватия, ослепленного Михаилом III и обреченного на попрошайничество), и возведение в V в. в правление Феодосия стен вокруг Константинополя, это и некоторые детали описания похода Велисария против Британии и т. д.

Вопрос о том, как слагалась поэма о Велисарии, не ясен: или она возникла в процессе соединения разных, относящихся к различным лицам и событиям устных исторических преданий, увязанных с трагической судьбой Велисария и литературно оформленных в XV в., или же существовала первоначальная литературная редакция повествования о Велисарии, включившая в себя в дальнейшем новые элементы. В поствизантийский период наибольшую популярность приобрела редакция, принадлежавшая родосскому поэту XV в. Эммануилу Георгилле.

С другой известной исторической личностью связан сборник небольших поэтических произведений, своеобразных пророчеств, называющийся «Речения Льва Мудрого» (т. е. Льва VI). «Речения» дошли в двух редакциях — в стихах на классическом языке, написанных ямбическим триметром, и в народноязычной редакции, выполненной трохеическим восьмисложником.

Какие из «речений» принадлежат императору, действительно увлекавшемуся гаданием и оккультизмом, а какие — поздним сочинителям, ясно не всегда. По всей видимости, тема неминуемой гибели, обреченности империи должна была усиливаться по мере приближения конца, появления очевидных признаков катастрофы. Однако предсказания по восходящей к античности традиции излагались в намеренно таинственной форме, дающей простор для